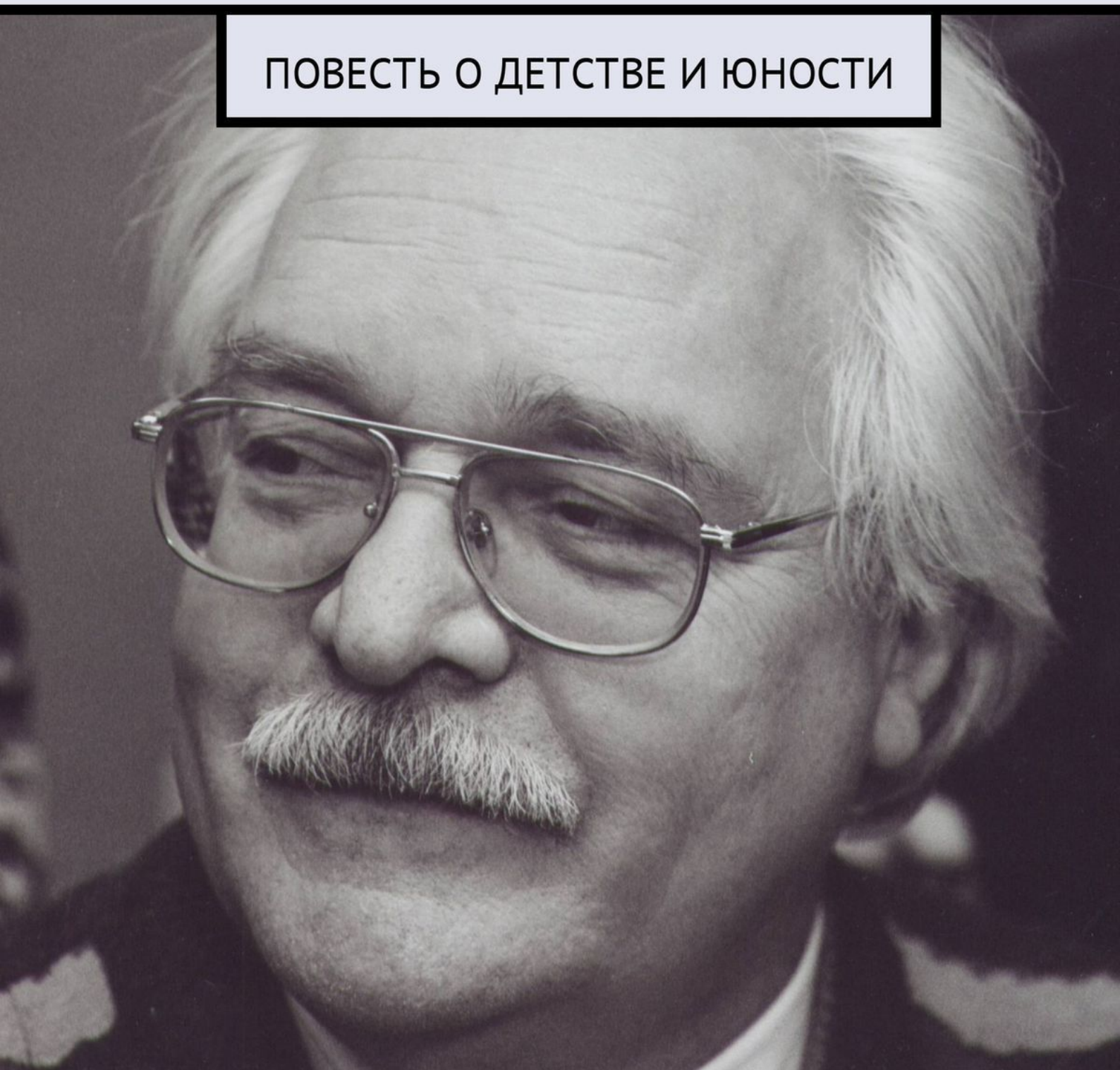

ВАЛЕНТИН СЕРЕДА

Дорога к музыке

ПОВЕСТЬ О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Валентин Середа

**Дорога к музыке. Повесть
о детстве и юности**

«Издательские решения»

Серeda В.

Дорога к музыке. Повесть о детстве и юности / В. Серeda —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904646-8

В новой книге Валентин Серeda рассказывает о начале своего творческого пути. Вопреки военному детству, ранней потере близких, сложным бытовым условиям и другим обстоятельствам автор постепенно приходит к пониманию своей цели в жизни. После встречи с главным своим учителем, В. Шатерниковым, он принимает решение посвятить себя музыке и передать любовь к ней другим.

ISBN 978-5-44-904646-8

© Серeda В.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВАЛИ ФИЛАТОВА	8
ГЛАВА 1	9
О НАШЕЙ СЕМЬЕ	10
ЖИЗНЬ В ЭВАКУАЦИИ	12
ПОЕЗД ИДЕТ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дорога к музыке Повесть о детстве и юности

Валентин Серeda

Посвящается моим ученикам

Редактор Евгений Козаченко

© Валентин Серeda, 2018

ISBN 978-5-4490-4646-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

*Жизнь моя,
иль ты приснилась мне?
(Сергей Есенин)*

Мне, человеку, подходящему к восьмидесятилетнему рубежу, есть что вспомнить – о чём-то с радостью и благодарностью, о чём-то с сожалением, из чего-то можно извлечь уроки. Среди долгих и трудных лет считаю самым интересным период детства и юности, когда из многих открывающихся возможностей я избрал *дорогу к музыке*. Все последующие этапы моей жизни были продолжением избранного пути, бесконечным процессом освоения теории музыки, практической проверкой новых знаний в музыкальной педагогике.

Двигаться по этому пути помогало мне множество добрых людей, начиная с моей мамы, ушедшей очень рано, моих старших братьев, готовых всегда прийти мне на помощь, моих друзей и хороших знакомых. Среди этих людей хочу выделить многочисленных наставников – школьных педагогов, детдомовских воспитателей, а также простых добрых людей, с которыми меня свела жизнь.

Но на первое место я должен поставить замечательных учителей – музыкантов, чья жизнь часто служила мне ориентиром.

Отдельная благодарность моим многочисленным ученикам, их друзьям и родителям, общение с которыми каждый раз питало меня новыми ценными идеями. В беседах и спорах с ними я уточнял и даже иногда менял мои взгляды и педагогические приёмы.

Не могу обойти добрым словом и своих коллег-музыкантов разных специальностей – тех, с кем рядом я работал и работаю, делаясь своими находками и открытиями и получая от них ценные советы, встречаюсь на лекциях и семинарах и курсах повышения квалификации, и тех, чьё исполнение поражало меня, сидевшего в концертном зале или перед экраном телевизора.

У меня нет оснований жалеть о своём выборе. Мне не удалось построить блестящую карьеру или разбогатеть. Да, собственно говоря, я к этому и не стремился, привыкнув с самого детства довольствоваться малым. В этом, скорее всего, виноваты недостатки моего характера – упрямство, «настырность», готовность защищать свою точку зрения.

Ценность прожитой жизни мне видится не в количестве опубликованных работ (их могло быть гораздо больше), а в доверии и внимании к моим идеям со стороны коллег.

Не все мои предложения понимались адекватно, иногда встречался и откровенный скепсис сторонников привычной, бездумной педагогики. Но уверен – постепенно эти идеи будут восприняты и обязательно найдут практическое воплощение.

Главный итог своей работы я вижу в добрых чувствах ко мне многочисленных учеников, продолжающих развивать и обновлять мои идеи.

* * *

Первоначально книга планировалась в другом объёме, должна была включать мой взрослый и зрелый возраст, годы работы педагогом, изложение теоретических и педагогических идей, оценку системы музыкального образования. Но, поскольку большинство этих идей, так или иначе, получило отражение в моих книгах и статьях, где они подкреплены логическими аргументами, я решил не повторять их здесь, в более «разжиженной» литературной форме.

Текст книги ограничен сравнительно небольшим временным отрезком, от моего трёхлетия до 17-летнего возраста – момента поступления в музыкальное училище и начала овладения профессией. Этот период, несмотря на пережитые жизненные трудности, запомнился

мне как время радостных открытий волшебства музыки, и послужил началом моей музыкальной биографии. Неутолённое до сих пор желание понять смысл музыки и её язык до сих пор составляет для меня главный смысл жизни.

* * *

Содержание повести основано на фактах моей жизни, хотя и не отражает всей её картины. На страницах этой книги я выступаю не от своего настоящего имени. В качестве псевдонима я избрал фамилию своей мамы, оставив свои инициалы. Так что персонаж по имени Валя Филатов – и я, и тот вымышленный мальчик, чьи впечатления, воспоминания и мысли я пытаюсь понять и оценить спустя годы и десятилетия. Таким образом, жизненный путь постепенно мужающего Вали Филатова дан здесь в интерпретации взрослого Валентина Павловича Середы.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВАЛИ ФИЛАТОВА

ГЛАВА 1

В конце мая 1941 года, накануне Великой войны, мне исполнилось три года. Я не могу вспомнить никаких лиц или событий, предшествующих этому времени – остались лишь тени туманных, размытых образов.

Но в какой-то момент привычный мир, где моя мама и братья жили как будто внутри моего мира, кончился, я вдруг очнулся и осознал себя отдельно от моих близких. С этих пор мои воспоминания стали более конкретными и осознанными – кое-что в виде ясных образов, остальное в виде отрывочных и туманных картин.

Самое раннее из них относится к самому концу лета или началу осени 1941 года:

...Мы сидим на чемоданах, на палубе баржи, которую тянет по реке Свирь маленький колесный буксир. Мы уезжаем от войны, которая устремляется нам вслед. Вокруг нас много таких же, как мы, людей, взрослых и детей.

Дует сильный холодный ветер. Из-за низких облаков на нас пикируют черные на фоне неба самолеты, а из реки взлетают фонтаны воды, частью падающие на палубу и на нас, частью в реку. Как рассказывали мне мои братья, нам удалось уцелеть благодаря мастерству капитана буксира, который умел вовремя замедлить ход или уклониться от летящих бомб. По лицам мамы и братьев я вижу, что происходит что-то страшное, но сам страха еще не осознал, потому не столько боюсь, сколько удивляюсь...

...Запомнился поезд, на котором мы ехали в эвакуацию, в Удмуртию. Вагоны, набитые хмурыми, озабоченными и встревоженными людьми, много женщин, детей и стариков. Всеми делами и действиями командуют люди в шинелях и фуражках.

Почти все время окружающие нас люди молчат или тихо обмениваются короткими фразами. Даже дети не плачут. Едем мы долго, и воспоминания мои – только о холоде, темноте и страхе.

О НАШЕЙ СЕМЬЕ

Чтобы читателю было понятнее, кто такие *мы*, придется рассказать о семье, в которой я появился на свет.

Среди моих простых и незнатных предков не числилось ни одного музыканта, и отношение к музыке у них было типично обывательским, сводилось лишь к простому пению хором народных песен и популярных мелодий.

Мой отец происходил из большой семьи кубанских казаков (у него было 8 братьев и одна сестра). Во время гражданской войны семья разделилась – одни пошли «за красных», другие «за белых». Его родители погибли от рук деникинцев, и он ушел к красным, стал чекистом.

Во время службы в Ленинградской области он познакомился с моей мамой и «увел» ее от родителей, хотя позже как-то помирился с ними.

По службе отца переводили с места на место, поэтому в 21 год мама родила моего брата Виктора в маленьком городке Лодейное поле (в Ленинградской области), а в 23 – меня, уже в Хабаровске. Моя мама не успела приобрести профессию до войны – отец женился на ней – 17-летней, совсем молодой, только что закончившей среднюю школу. Все свои таланты и практические навыки она получила в семье родителей, а пополняла и развивала уже в своей (то есть, нашей). Шила с детства, ручная машинка «Зингер» досталась ей в приданое и впоследствии нередко выручала всю семью.

Мой отец *Павел Мефодиевич Серeda*, я на руках у моей мамы *Веры Константиновны Филатовой*, старший брат *Владилен*, сзади – *Мария Константиновна Филатова* (тётя Маша, младшая сестра мамы)

Ее мать, карелка (моя бабушка), была замужем за русским лоцманом с реки Свирь. Она рано умерла, дед второй раз женился, они с новой женой жили в крепком двухэтажном доме. Такие дома можно и сейчас видеть по всем северным, особенно карельским деревням.

Отец был женат дважды. В свое время его первая жена, черкешенка, ушла от него (вернее, ее от него увели ее родственники), и двоих детей отец позже забрал в свою новую семью. Так у нашей мамы, такой молодой женщины, оказалось четверо детей.

Двое – *Владилен* и *Павел*, были старше нас с *Виктором*. Старший, 16-летний *Владилен*, в самом начале войны убежал на фронт, и все годы войны от него не было никаких вестей. По его послевоенным рассказам мы узнали, что в начале войны он служил в береговой артиллерии на военно-морской базе полуострова Ханко. Эта служба была очень опасна, тяжела и физически, и психологически.

Как он потом рассказывал, в первые три года бомбардировка и артиллерийский огонь со стороны немцев и финнов по позициям русских моряков были настолько сильными, что состав батареи сменился четырежды, люди гибли на его глазах, при этом он сам не получил ни одной царапины. Это время он вспоминал как сплошной, нескончаемый ужас, постоянное ожидание гибели.

Он вернулся он с войны не сразу после победы, а только в 1947 году – тогда, когда демобилизовались те из его выживших однополчан, которые призывались в 1943 году, когда им исполнилось по 18 лет. После войны он работал мастером на авиационном заводе в Тушино. Умер в 1985 году от рака.

По малолетству я тогда не понимал (и никто мне не рассказывал), где был мой отец, хотя по некоторым намекам и недомолвкам чувствовал, что об этом говорить не следует.

Позже я узнал, что он был в заключении, в лагере: перед войной отца снова по службе перевели на Север, в город Кандалакшу, а в 1940 году арестовали.

Он пробыл в лагере (вернее, в разных лагерях) до 1954 года, когда заключенных, на которых не было заведено настоящих дел (только подозрения), начали освобождать.

Выйдя из заключения и пройдя реабилитацию, он стал искать нас. В 1956 году, когда я учился на II курсе Октябрьского училища, я получил от него письмо, которое, как мне показалось, было написано моим почерком.

Началась переписка. В письмах многого не скажешь, хотелось встретиться лично. Но лишь в 1960 году, после окончания первого курса консерватории, я смог съездить к нему на Дальний Восток. В конце жизни, выйдя на пенсию, он несколько раз приезжал в Москву, подолгу жил зимой у нас и в семьях моих братьев, спасаясь от суровых дальневосточных зим. Он умер в 1978 году, в возрасте 72 лет.

Я на коне, рядом мой папа

Не могу сказать, что у нас с ним сложилось полное понимание. Мои занятия музыкой он считал делом несерьезным, и до конца жизни так и не смог понять, почему я этим увлекся. А я так и не понял причины, по которой он столько лет провел в тюрьме и лагере.

Думаю, что страшную картину тюремной и лагерной жизни он открыл мне далеко не полностью – какие-то вещи, видимо, не смог или не захотел рассказывать, а то, что я узнавал позже, например, из произведений Варлама Шаламова, просто невозможно было вообразить, это не укладывалось в голове.

ЖИЗНЬ В ЭВАКУАЦИИ

В Удмуртии нас, эвакуированных, разместили в домах местных жителей, изрядно потеснив их. Запомнилось название деревни – *Кожилы* (на современной карте я увидел другой вариант названия – *Кожило*). Она расположена недалеко от поселка *Балезино* (по-моему, сейчас это уже город). Деревня Кожилы стояла на берегу реки *Чепца*.

Живем в избе, в маленьком помещении позади большой русской печи. С местным населением мы почти не общаемся, они смотрят на нас как на обузу, называют «*выковыренными*» (эвакуированными).

Мама трудится на лесосплаве, таскает багром из воды бревна, сплавляемые по реке. Часто ей приходится входить в осеннюю воду по горло, чтобы дотянуться до бревна. Приходит она поздним вечером, замерзшая, часто промокшая до нитки.

Помню, как она однажды вернулась с лесосплава, а я к ее приходу, подражая взрослым, нарезал картошку кубиками, сложил их в консервную банку, залил водой, посолил и поставил в печь на угли. К ее приходу мой «суп» сварился, я ей его принес, она ела и плакала.

Даже сейчас я вспоминаю тот очень черный и липкий хлеб, с остями, застревающими в зубах, который выдавали эвакуированным. Но и такого хлеба не хватало. Дневная норма составляла отрезанный от буханки ломоть толщиной примерно в два пальца, который мы потом делили на четверых.

Иногда доставали картошку, пекли ее на углях в печке или варили в мундире. Картофельные очистки никогда не выбрасывались, из них извлекался крахмал.

Начиная с ранней весны и вплоть до первого снега мы ели всякую зелень: «барашки» (или «баранчики») – круглые семена какой-то травы, напоминающие по форме баранки, лебеду, крапиву, варили из них суп.

Брат Павел (он на шесть лет старше меня) ходил в школу и помогал учиться шестилетнему Виктору, а заодно обучал и меня. Братья писали на тетрадках, сшитых из газет, между строчками – благо газет было достаточно.

Первые слова я написал на покрытых инеем и льдом оконных стеклах – «протаял» буквы пальцем. Сначала научился писать свое имя справа налево – так же, как видел буквы, сидя с противоположной от братьев стороны стола.

Никаких игрушек, конечно, не было.

К четырем годам я выучился читать достаточно бойко и мог часами заниматься этим интересным делом – читал все, что можно, прежде всего учебники брата и газеты, извлекая из них любые крохи информации об окружающем мире. Братья старались мне в этом помогать, объясняли незнакомые слова и сами тоже попутно разбирались в них, иногда спорили, как надо понимать то или иное слово.

Хорошо иметь старших братьев!

Маме некогда было нас обихаживать, и сил у нее после работы не оставалось. Все заботы доставались брату Павлу, он уже в детстве проявил себя человеком самостоятельным и ответственным.

После войны он сумел получить полноценное образование – закончил вечернюю школу, потом вечернее отделение института МАТИ (авиационно-технологического). Его трудовая деятельность шла параллельно – сначала, еще в детстве, как и многие в те послевоенные годы, он был учеником фрезеровщика, но уже годам к двадцати – бригадиром, мастером участка, затем мастером цеха. Он прошел все уровни профессионального мастерства и в итоге стал квалифицированным и опытным инженером.

Несколько лет он был «секретным» человеком, поскольку возглавлял цех по сборке многоцветного космического корабля «Буран», совершившего свой единственный триумфальный полет.

К сожалению, отлаженная с таким трудом и прекрасно работающая система, соединявшая ученых и производственников, усилиями самодуров-недоумков из тогдашнего правительства разрушилась, почти все ученые и инженеры ушли кто куда, а единственный оставшийся «Буран» выставлен в качестве аттракциона в парке им. Горького.

Начиная с осени, когда быстро становилось темно, жизнь в избе проходила при свете ламп, которые заправлялись не керосином, а *лигроином* – более легковоспламеняющейся фракцией перегонки нефти.

Откуда доставался лигроин, мне неизвестно, но эта особенность освещения едва не закончилась трагически. Однажды мама попросила меня перенести лампу из кухни в комнату. Мне показалось, что в кухне без лампы будет темно, и я решил разжечь другую лампу, стоящую рядом, снял с нее стекло, наклонил к горящей лампе, пытаясь поджечь фитиль. Но головка этой лампы была не ввинчена, а просто вставлена в лампу, поэтому она выпала, лигроин вылился, вспыхнул, и пламя охватило меня.

Вспышку эту увидела мама, она прибежала, обхватила меня руками и загасила пламя. Эту вспышку увидел и десятилетний брат, он не растерялся, схватил ведро воды и окатил нас. Горящие капли лигроина разлетелись по избе, и пришлось «захлопывать» их, иначе сгорела бы изба.

У меня тогда сильно обгорела половина спины и правая рука, местами обнажились кости. Я сильно испугался, поэтому совсем не чувствовал боли и все время молчал. Лечили меня единственным доступным тогда средством – смазывали ожоги кипяченым постным маслом, которое эвакуированные женщины, сердобольные соседки по несчастью, доставали у местных жителей.

Это лечение продолжалось всю зиму и часть весны. Итог оказался успешным – все зажило, остались только шрамы, немного заметные даже сейчас, спустя более 70 лет.

Рядом с деревней в это время начали возводить спиртзавод, и на эту срочную работу привлекли всех эвакуированных. Именно для этой стройки сплавляли лес, рыли траншеи, забивали сваи с помощью примитивного копра и ворота. Работа шла весь световой день, от зари до зари.

Хорошо помню, как поздней осенью десяток женщин в сапогах, телогрейках и платках ходили по кругу, вращая за рычаги лежащий горизонтально барабан вóрота, на который накручивался канат, и через систему блоков поднимал на вышку тяжелую чугунную «чушку». Женщина, стоящая на верхней площадке вышки, взмахивала флажком и кричала «За Родину, за Сталина!». Чушка падала на сваю, забивая ее в землю на очередные сантиметры.

Вскоре стройку и все население поселка настигла неожиданная беда. Удмуртия – край скотоводов, и там издавна была распространена страшная болезнь, *трахома*. Она поражает глаза, отчего они воспаляются, начинают гноиться, возникает нестерпимое жжение и боль, так, что невозможно смотреть на свет. Болезнь эта очень заразная. Рассказывали, что в Удмуртии в прежнее время были целые села слепых людей. У большинства аборигенов давно выработался иммунитет к трахоме, но мы, жившие в домах местных жителей, почти сразу подхватили эту заразу.

Это выглядело так: начинает светать, и глаза невыносимо горят, веки слипаются от гноя, чешутся. Все люди – и дети, и взрослые, стонали и плакали, терли глаза, не имея возможности видеть вокруг себя, и, конечно, не могли работать. В результате остановилась вся стройка.

Но спиртзавод был объектом стратегическим, и останавливать такую стройку было нельзя. И вот прилетает санитарный самолет (У-2) с бригадой медиков, два врача и сестра обходят дом за домом, насильно разжимая людям глаза и закапывая в них едкий раствор. Как нам потом рассказали, это был английский *пенициллин*, только что присланный в Россию, и чудо-лекарство как по волшебству остановило эпидемию¹. Через неделю боль и зуд прошли, мы снова стали все видеть, старший брат пошел в школу, а стройка возобновилась и вскоре была завершена.

Было и еще одно мероприятие, весьма памятное всем, кто жил в начале войны в эвакуации – это *санпропускник*, по-другому – *вошебойка*. Процедура эта включала посещение бани, во время которого вся наша одежда пропаривалась в дезинфекционных камерах и возвращалась нам высушенной и слегка уменьшившейся в размерах. Мы проходили эту процедуру несколько раз за время эвакуации, благодаря чему масса эвакуированных спаслась от эпидемий тифа.

Уже ближе к концу нашего пребывания в Удмуртии меня постигла новая беда: по всему телу возникли весьма болезненные чирьи, крупные, выпуклые, с какими-то белыми гнойными головками. Одна решительная женщина из числа эвакуированных быстро вылечила меня от них – она смело выдавила их, остатки чирьев щедро прижгла йодом и перевязала бинтом с какой-то сваренной ею вонючей мазью. Постепенно все чирьи прошли, а следы от них, похожие на пулевые ранения, остались на всю жизнь.

Работая на лесосплаве, мама сильно простудилась, сначала перенесла на ногах пневмонию, которую не долечила (да и негде было), и, в конце концов, у нее открылся туберкулез. Он был тогда очень распространен, а лечить его в условиях эвакуации реальной возможности не было. Я помню постоянные разговоры о «поддувании» (*пневмотораксе*), который ей помогал лишь временно, а также о каком-то *сульфидине*, который трудно было достать.

Весь этот период жизни вспоминается мне как черно-белое, мрачное и местами страшное кино, сопровождаемое стуком вагонных колес, звуками взрывов, криками и скрипами. Единственным музыкальным впечатлением был мамин голос, поющий мне песенку:

*«Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масленна головушка,
Шелкова бородушка».*

Эту песню мама пела мне много раз, и раньше, и позже. Много лет спустя я вставил мелодию этой чудесной песенки в качестве иллюстрации в одну из своих теоретических работ.

К концу 1942 года спиртзавод был построен, начал работать, и маму назначили туда на должность учетчицы – у нее было полное среднее образование, не столь частое среди эвакуированных. Паёк ей немного прибавили, мы стали жить чуть лучше, потому что маме уже не надо было заходить в холодную воду по горло, она больше внимания уделяла нашему воспитанию, читала и рассказывала разные истории из довоенной жизни.

Но болезнь ее развивалась стремительно. Она стала добиваться разрешения переехать на Дальний Восток, на мою родину, где у мамы остались какие-то друзья или знакомые.

¹ К сожалению, нынешние микробы и вирусы не реагируют на это лекарство, презирая его прежнюю славу.

ПОЕЗД ИДЕТ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

К весне 1943 года все было готово к нашему отъезду. Разрешение было получено, и мы стали собираться. Мама сшила всем котомки, мы распределили вещи. Мне, кроме котомки, достался большой чайник, старшему брату – ручная швейная машинка «Зингер» (большая ценность, благодаря которой мама шила и перешивала всю нашу одежду).

Добравшись до Балезина, мама купила билеты на поезд «Москва-Хабаровск», и когда он прибыл на станцию, мы попытались в него сесть, но это оказалось непросто. Все пассажиры кинулись к вагонам, но толстый, мордастый проводник стал отталкивать нас, даже схватил маму за горло.

И тут я так закричал, что все люди остановились! Какой-то военный подбежал, выхватил из кобуры пистолет, ударил кулаком проводника, расчистил нам дорогу и проводил в вагон. С помощью этого офицера нашли купе, освободили две нижние полки и разместились на них.

Ехали мы долго, но из дорожных впечатлений у меня почти ничего не сохранилось. Наверное, большую часть дороги я спал, поправляясь от болезней и других напастей, пережитых в эвакуации.

Помню, что за Уралом на станциях можно было купить горячей вареной картошки в стеклянных банках, иногда копченой рыбы (очень вкусной). На всех станциях обязательно стояла высокая кирпичная башня с видной издали надписью «КИПЯТОК», все пассажиры им запащались, и мы с братом тоже бегали туда с нашим здоровенным чайником.

Сошли мы на станции Лондоко, названной так по фамилии архитектора, проектировавшего город Биробиджан, столицу Еврейской автономной области. Через некоторое время мы перебрались в поселок Теплое озеро (сейчас это город Теплоозерск). Он так назывался из-за озера, незамерзающего даже в лютые морозы – подводные ключи размывали лед, не давая ему застыть. Вода постоянно курилась, как будто собиралась закипеть, но была настолько ледяной, что в ней даже летом никто не купался.

Природа там – настоящее чудо! Предгорья Малого Хингана, чудесный, легкий воздух, необыкновенный аромат которого я хорошо помню. Линия невысоких сопкок льется как прекрасная мелодия (я всегда вспоминаю эти горы, когда слышу музыку медленной части *соль-мажорного* фортепианного концерта Равеля).

Сопки, поросшие густой, непроходимой тайгой, преимущественно кедром, зеленая хвоя которых вблизи отдает слегка табачным оттенком, с вкраплениями рыжих пятен – следов пожаров, а дальние сопки нежно-голубые. Весной они на неделю-другую покрывались бледно-сиреневым или розовым налетом из-за цветущего багульника.

Это впечатление осталось на всю жизнь и подтвердилось через много лет, когда в двадцатидвухлетнем возрасте я приехал знакомиться с реабилитированным отцом.

В заболоченных долинах трава летом вырастала намного выше моего тогдашнего роста (да и сейчас доставала бы до подбородка) и сочетала необыкновенно красивые цвета. Особенно запомнились *саранки* – дикорастущие лилии, у которых на каждом бледно-желтом лепестке из темно-коричневых или темно-синих линий складывался рисунок, похожий на узоры нанайской одежды.

В тайге много диких яблонь, колючих кустов *лимонника*, есть даже дикий виноград, от вкуса ягод которого сводило скулы. Встречаются большие кусты лимонника, про его плоды говорили, что они так богаты витаминами, что могут излечить любую болезнь – конечно, если сможешь их съесть (настолько они жгуче-кислые).

Мы особенно любили *актинидию*, которую местные жители называли *киимии*. Ее ягоды росли гроздьями, действительно похожими на виноградные, только вкуснее. Конечно, много было земляники, черники, малины, а на болотах клюквы и *голубицы* (голубики). Начиная с середины лета, все болота в низинах постепенно все сильнее *голубели* от обилия этой ягоды. Ее собирали специальными ковшами с гребнями – *чесали*.

Местное население было довольно редким и неоднородным – здесь были ссыльнопоселенцы, местные сибиряки-охотники, нанайцы и корейцы, живущие отдельно от поселка в своих хуторах из шалашей и круглых юрт.

Особый слой составляли приехавшие в довоенное время переселенцы-евреи. В свое время они перебрались сюда, чтобы строить свою автономию на территории, выделенной для этого по указу Сталина, и были самыми уважаемыми людьми в поселке. Их было немного, большинство мужчин ушли на фронт. Помню пожилого аптекаря, двух врачей, учителя, директора школы, его детей – моих ровесников, и из бабушки и дедушки, отличавшихся своей забавной речью.

Раз в неделю местное радио проводило передачу на *идии* (из которой я помню только повторяющееся слово *арбайт, арбайт* (работа)).

Впрочем, на национальности здесь никто не обращал внимания, все ощущали себя людьми советскими, все жили одинаково скудно и скучно, все пытались как-то выжить и помогали в этом друг другу, и отношения складывались терпимые и спокойные.

С мальчишками (имена которых уже не помню) мы ходили на рыбалку за 2—3 километра по болотам до ближайшей реки *Биры*. Рыбалка была богатая, и я приносил всегда ведро рыбы, которую мама чистила, жарила или варила уху.

Река *Бира* через несколько десятков километров сливалась с другой рекой – *Биджаном*, и на их слиянии стоял город *Биробиджан*, столица Еврейской автономной области (ЕАО), в котором мы так ни разу и не побывали.

Старший брат Павел подружился с местным стариком-охотником, который подарил ему *лайку* – щенка, из которого вырос очень умный и верный пес. С ним брат ходил на охоту в тайгу, благо далеко ходить было не нужно – тайга была полна всякой дичью, и даже такой юный охотник всегда что-то приносил.

Осенью созревали кедровые орехи, и опытные люди ходили в тайгу собирать шишки, упавшие с кедров, а также оббивали их с деревьев деревянными колотушками. Потом шишки обжигали на огне, лутили и провеивали. Дальневосточные кедровые орехи были гораздо крупнее сибирских (чем все мы очень гордились).

В речках и ручьях было множество рыбы, и мелкой, и достаточно крупной. Осенью начиналась *путина* – шла *кета*, *горбуша*, *чавыча* и другие ценные лососевые рыбы.

От Теплового озера до реки Биры был проведен двухкилометровый канал, по которому во время путины шли лососевые рыбы, здесь работал рыбозавод. Здесь из рыбы вынимали икру и молоки, смешивали их, а когда выводились мальки, переводили, по мере их роста, из одного садка в другой, и затем выпускали в Биру. Оттуда мальки уходили в Амур и дальше в Тихий океан. Через 4 года рыба шла сплошной стеной обратно к месту своего рождения по тем же рекам и протокам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.